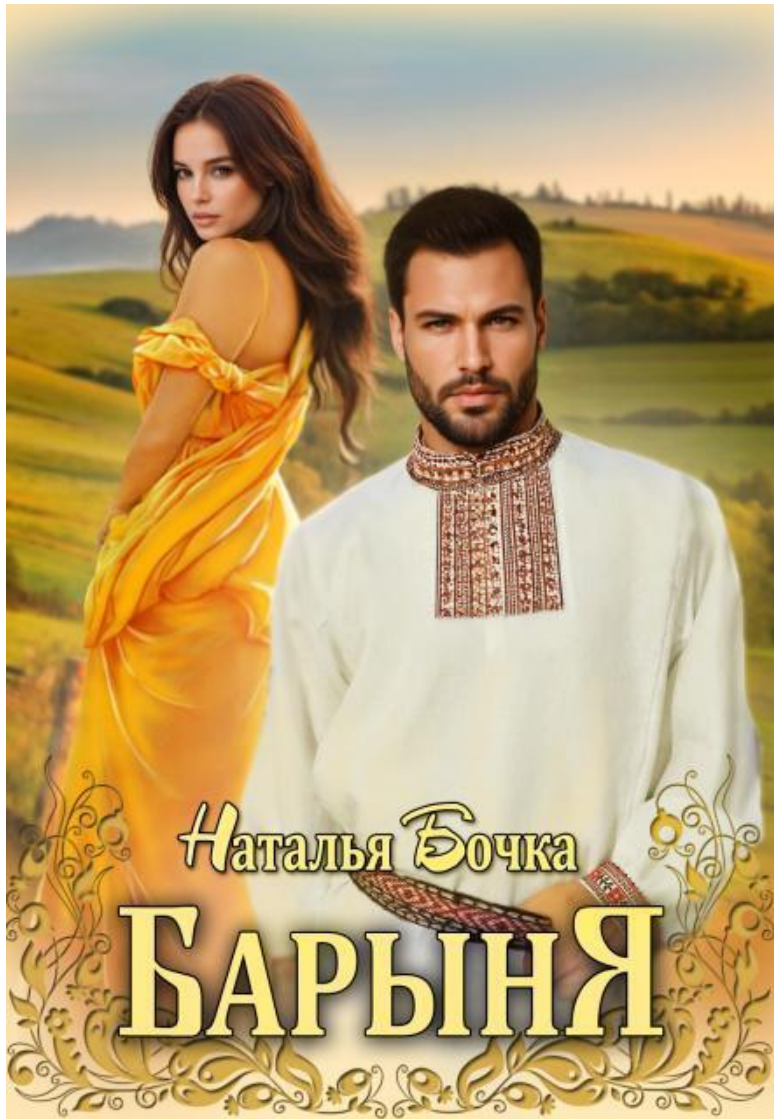

Наталья Бочка

БАРЫНЯ

Наталья Бочка

Барыня

<https://litres.ru/74220794>

Аннотация

Барыня Варвара Гусева в одиночестве истосковалась. Да так, что полюбила слугу. И завела любовь эта в такие дали, о каких Варвара и помыслить не могла.

Содержание

Часть 1 Тоска Варвары. Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	23
Часть 2 . Каторжник. Глава 1	27
Глава 2	31
Глава 3	35
Глава 4	40
Часть 3. Жених. Глава 1.	47
Глава 2	50
Глава 3	54
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Часть 1 Тоска Варвары. Глава 1

Барыня Варвара Петровна Гусева очень сильно замуж хотела. Так хотела, что даже согласна была на жениха безродного, какого попроще. Не из крестьян конечно, а хотя бы из мещан. Даже такая перспектива не пугала.

В средствах не стеснена. Женщина обеспеченная. От покойного супруга Гаврилы Федосеевича Гусева осталась богатой вдовой. По этой причине не сильно по поводу жениховых денег печалилась. Был бы человек хороший, любил бы как полагается, а остальное неважным кажется. Как только траур по мужу в три года выдержала, стала торопить тётку, что приживалкой жила, искать нового жениха.

Только проблема заключалась в одном обстоятельстве, какое Варвара рассматривать никак не старалась. Всякий жених, разглядев её на портрете, после, уже не желал личной встречи, оттого как не слишком Варвара красотой блистала.

Так и что ж с того? Красота красотой, как говорят, с лица воды не пить, но ещё раз замуж за старика, молодухе никак не хотелось. Грезились ей чувства, о каких в романах рассказывают, да какие она сама лично за крестьянами наблюдала. Что же ей раз не слишком лицом вышла, теперь без любви остаться? Нет уж. Тут решение Варвары было непреклонно. Так и свахе заезжей сказала, мол, без чувств, ничего не получится.

- Да где же ты милочка, те чувства теперь видала? Нужно головой, прежде всего. Остальное и так приложится, - причитала тетка.

- Как же, а Елизавета Макарова, вон, по большой любви замуж вышла. И мне охота.

- Охота, это дело такое, сегодня есть, завтра нет. А тебе, моя душа, одной-то знамо нелегко. Ты горлинка, не много ли хочешь? Чай не девица, чтобы женихов под лупой рассматривать, - наседала сваха.

- И с кем попало - не хочу. Хватит, нажилась с Гаврилой Федосеевичем. Сами знаете, сколько натерпелась, со стариком-то. Больше не хочется.

- Ну, так вот, милая моя, - рассердилась уже сваха, - ежели на завтра не согласишься Сидор Харитоныча принять я его прямо тёпленького, готового к женитьбе, сразу Бураковым поведу. У них девка давнишняя, та - за любого пойдёт. Вцепится так, что не отдерёшь. А ты сиди, жди. Ломайся.

- Варюша, а может и вправду примем, - жалостливо глядела тётушка, лицо её всё в морщинках, словно долька лимона вызывало чувство кислоты, - ну что же ты? Эдак нам и не достанется никто. Много ли сейчас женихов в городе? Раз, два и обчелся. А ты всё носом крутишь. Посмотрим, а?

- Да что вы тётушка без конца встреваете, говорила же - по любви хочу. А эти ваши только и приходят, что на дом посмотреть, да на конюшню, лошадей посчитать.

- А как бы ты думала, за какой такой надобностью им сюда приходить? Брат мой, твой отец, царство ему небесное, не такое уж большое богатство во внешностях твоих оставил, чтобы носом вертеть, - уже и тётка начинала злиться.

- Ах, тётенька опять вы? Ведь всякий раз попрекнёте. Вот глядите, а то прогоню вас со двора однажды, так пойдёте, отсель подобра-поздорову. Неужто нельзя за батюшку не поминать и так каждый день в зеркале его портрет вижу. Порода у вас тётенька никудышная. Теперь вот и мне страдать.

- Берите того, кто на ваше добро согласен, - тут же встряла сваха, - ох, и тяжело с вами Варвара Петровна. Ведь каждый раз одно и то же. Любовь, да любовь.

- А мне не тяжело думаете, - вздохнула Варвара, - мне не тяжело?

- Ну, ничего, ничего, - погладила по плечу сваха, - так значит, завтра Сидор Харитоныча приведу? А?

- Да ведите уж, чего там. Один больше, один меньше. Всё одно.

Спор этот со свахой выходил постоянно. Та женихов разных сосватать старалась, а эта знай, о чувствах талдычит. А какие тут чувства, если те женихи, что краше, от Варвары носы воротят, а те, что не слишком красотой вышли, ей самой не нравятся.

Глава 2

Уездный городок К. для его жителей - настоящий оазис. Небольшой, обнесённый садами и рощами, в разгар весны благоухал. Даже самый последний нищий восхищался его красотой, небывалым уютом и чистотой.

Деревянные дома с обширными подворьями, глазели друг на друга проёмами резных окон, соревнуясь в украшательствах деревянных дел мастеров, а ещё чередой оград, с разросшимися промеж них кустарниками дерезы и ежевики. Есть кварталы беднее, где не так цветисто раскрашены стены, не так стройны доски в ограде, и порой не целы стекла в проёмах, но и те дворы весной зелены и благоухают.

Пара церквей, золочёными куполами упирались в небо и виднелись уже за несколько верст от города. В воскресенье, народ к церквям со всех сторон тянется. Да и в будень день немало людей там встретишь.

Управа - каменное здание в центре городской площади. Если какое сборище, или оглашение, все сюда. По важному городскому поводу люд соберётся, посудачит, покричит, да расходится восвояси.

Большой рынок сразу за площадью. Шум, гам. Целый божий день кричат наперебой торговцы. Рынок место особое, тут все городские новости можно узнать. Или рассказать чего, чтобы весь город узнал. Тянет он торговцев, покупателей,

уличных музыкантов, мелких воришек, а особенно зевак, что с охотой слоняются по городу по какой-нибудь неважной надобности. Тут и заезжих, и своих полно. А из предложений чего только нет и живой товар, и рукотворный, и заморский, и отечественный.

Хоть улицы здесь не мощеные, и нет как в губернских городах домов каменных, однако казалось, живут в этом городе люди большей частью не бедные. А всё потому, что так и было. Дворянских родов тут издавна не водилось. Зато купцов - тьма тьмущая, что не дом, тот купеческий. В конце концов, собрал совет с жителей понемногу, на мощение улиц, что-то из губернии запросили. Так, хоть на центральных удалось выстелить, чтоб, если какая свадьба или похороны, по главной, мощёной, всё-таки сподручнее, чем по грунтовке до церкви колесить.

Очень удобный городишко, по уездным меркам не бедный. Оттого что стоял в выгодном расположении. За садами, да за рощами, что опоясывали город, шли торговые пути, чуть не во все стороны света. А это, большая для города сподручность, поэтому и голодных тут почти не водилось, ни людей, ни собак. У каждого своё дело, и каждому по тому делу оплата. Кому целковый, кому пятак, а кому кость.

Вот тут и родилась Варвара в семье купца Петра Савельева. Тут детство прошло, воспитание домашнее получила, какое барышне положено. Отца схоронила, от горячки помер,

мать - ту, вовсе Варя не помнит.

Тут и замуж вышла, согласно батюшкиной воле, за просватавшего её ещё в детстве, купца Гусева. Он, мужчина строгий, в годах, страшный ревнивец. Чего было и чего не было припомнит. Мужа Варвара люто не любила. Но всё это, только в душе у неё кипело, и наружу прорываться не должно было. За пару лет в браке, так истрепал он, хоть и не слишком хрупкое, но всё же, девичье сердце. Ведь если осерчает, не только слуг захватывал, но и женку молодую за косу таскал. А её бывало, пуще других наказывал.

После же смерти его, Варвара настоящей хозяйкой стала, расцвела. В том смысле, что в наряды стала рядиться, да свободу полной грудью ощутила. Теперь, никто ей не указ. А характер, ещё более смелый после мужниной кончины, сделался, что и слугам проходу не даёт, знай, распоряжается.

Хозяйствовать барыня любила, ой любила. Дали ей волю, так теперь всё хозяйствует. Приказывает направо и налево. Но в душе она частенько за это себя ругала, чего сдержаться не может, нет, нет, да и крикнет, да замахнётся на служанку. А отчего? Верно, от какой-то отчаянной недолюбленности. Нет ласки, и всё тут.

Когда отец помирал, сестру свою Анастасию Савельеву, отцовской волей к дочери приставил. Если бы не отец родной, разве позволила бы Варвара кому-то над собой надзором стоять. Но батюшка, тут как раз кстати, волю изъявил.

Знал, дочь - девка строптивая. А сестра хоть и добрая, но взять под уздцы этот характер сумеет.

Вот и сидит теперь Анастасия Павловна у племянницы в приживалках, своего состояния не имеет, а замужем за всю жизнь ни разу не побывала. Да порода, сыграла злую шутку. Из-за внешности неказистой, даже с приданным никто жениться на ней не пожелал. Так всю жизнь при брате жила, не обижена. А когда с племянницей осталась, вот тут и почувствовала, как это, в приживалках и без состояния.

Тёткиной крови Варя немало попортила, чуть только не по её, всякий раз со двора гонит. Но Анастасия Павловна, умела племянницу приструнить и пристыдить. Ведь знала она, девка та хоть и крикливая, но добрая.

- Ох, и вредная ты Варвара. Как спохватишься, вечно прогоняешь тетку родную, кровинку единственную. Вот уйду сама, скиталицей стану, наплачешься. Пожалеешь тогда судьбу мою разнесчастную. Ведь нет у тебя человека роднее. Уйду, чего делать будешь?

- Ой, ладно, накинулись уже. Ведь знаете, что не прогоню, вот и пользуетесь. А уж как ваша вредность опостылела, только Бог его и знает.

- Вот и не поминай, если черное дело задумала. Это ж надо, родную кровь со двора гнать.

- Теперь полдня не умолкните. Ещё и соседям жалитесь.
- А чего ж не пожалиться, когда в этом доме слова молвить не дают.

Анастасия тоже наученная, племяннице сильно в хозяйство вдаваться не даёт. Руководит домом, да слугами управляет, так, чтобы Варвара не слишком о том знала, ведь если по хозяйской указке, давно бы всё растрезвонили. Бережливыми привычками тетушки, и добро в целости сохранности.

Хотелось тетке и замуж Варвару удачно выдать. Занялась бы та семьёй, детишками, остепенилась бы наконец. Требования её хорошо понимала. Первое замужество, тетка чуть духу не лишилась. Вся волнением изошлась от мучений Варюшиных. Жалела племянницу. А когда Гаврила Федосеевич приказал долго жить, воспрянула духом и тетка, с новой силой стала о женихе для Вареньки беспокоиться.

Глава 3

Почитай всё утро шустрая служанка Марья вокруг Варвары крутится, разбудить пытается. А той, всё нипочём. Не пробьёшь её никак. Спит, знай недовольно отмахивается.

- Варвара Петровна, пора бы уже одеваться. Сколько ждать? Скоро жених пожалуют, а вы не прибраны. Нехорошо.

- Вот дура, чего пристала? Моя воля, сколько нужно столько и буду валяться. А то, что жених, всё равно. Как придёт, так и уйдёт восвояси.

- Неужто не интересно? - удивилась Марья. Симпатичное лицо её, на мгновение в задумчивость впало, а потом, снова к барыне, - я бы глянула какой он из себя. При всей красе бы вышла, чтобы показаться.

- Вот, давай тебя нарядим, выйдешь вместо меня, - засмеялась Варя, - а чего? Раз я им всем не по вкусу, тебя будем выпускать, а как жениться согласен, тогда уже и я в церковь пожалую.

- Всё шутите барыня? Только ведь не смешно это. Вам бы замуж выйти. Пусть бы уж хоть тот, последний, какого вы чаем окатили. Вроде неплох был, - Марья расправляла рюши на платье, которое должна была надеть хозяйка, - он вроде капиталы небольшие, но имеет.

- Так он - дурак дураком. Я, за такого замуж, точно не

хочу. Пусть бы умом разжился сначала, а потом свататься приходил.

- Да где же вам сыскать такого, чтобы красивый, и умный, ещё и любовь была? Она ведь любовь-то, вот так сразу не вспыхнет. Это ведь, не с налету. Не бывает так.

- Много ты там знаешь.

Тёмные волосы кудрями по подушкам разбросало, ворочается Варя по перине, из-под рубашки кружевной ноги босые торчат, пальцами шевелит и смеётся. Будто нет ей не до чего дела, всё не всерьёз.

Дверь в комнату открылась, быстрым шагом тетка вошла.

- Ах, ты! Она валяется! Пора косы заплетать, а она всё бока отлёживает!

- Да не кричите, будто на пожар. Не даёте спокойно полежать. Не желаю рано вставать. Зачем с утра назначили?

- Полдень скоро, душечка, а ты - рано. Солнце над крышей висит. Добрые люди уже дел кучу переделали, а ты на подушках. Договорились на двенадцать, нужно выполнять. Ну-ка, неча на перинах валяться, - тетка дернула одеяло, потянула Варю за руку, - вставай, кому сказано.

- Да я уже заранее знаю, каков результат, - упиралась Варвара.

В просторной гостиной четверо. Варя с тетушкой на небольшом диване, сваха и гость на диванчике напротив. Несколько минут, пока чай ждали, повисла неловкая пауза.

за. Как служанка подала, точно нагоняя упущенные минуты, сваха поспешила заговорить:

- Погоды нынче дождливые пойдут. К Пасхе сказывают, ещё и снегу может кинуть.

- Да где? - подхватила тетка. - Уже не будет снегу, а вот дожди зарядят, это точно. Всё-то руки, ноги на погоду крутит.

Сидор Харитонович Сафронов, прямой как жердь. На лицо хорош, волосы опрятно на бок зачесаны, фигурой статен. Всем видом чрезмерную свою важность показывает. Чиновничий сюртук вычищен да наглажен, кажется воротничок вот только надел по случаю. Штиблеты так натерты, даже трещины, что были замазаны и те видны стали. Штиблетам лет за пять и то будет, на штанах кое-где залысины. Но сюртук хозяина сильно украшает, так украшает, что на штаны, да на штиблеты никто не засматривался.

Двадцать пять годков Сафронову. Два года уже как на чиновничьей службе младшим писарем. Но сваха больше разукрасила, мол, если немного ещё, или кой-кому сунуть, то и старшим над писарями могут поставить. А если жениться, тогда вовсе службу оставить можно, да в управление хозяйством жены благополучно, по обоюдному согласию, вступить.

- Слыхал я, деревенька у вас на шестьсот душ, от покойного мужа имеется? - горделиво из чашки потягивая, небрежно проронил Сидор Харитонович.

Варя пристально глянула на сваху, та только губы вытяну-

ла, мол, чего скрывать, нужно бы сразу все козыри показывать, чтоб кандидат не сорвался, как предыдущие.

- Имеется деревенька, - ответила Варя, - только вам-то, что с того?

- Как же, что? Управляться, ведь это не шутка. Ответственность опять же. Крестьяне это, такое дело, глаз да глаз за ними нужен. Где не уследишь, смотри уже и по-своему наворотят.

- А приказчик на что? Дело и решит, ежели чего.

- За приказчиками тоже нужно вовремя приглядывать. Слыхал я, как они помещиков обдирают. Даже говорят, по миру пустить могут. Вон, давеча, дело было, разорился помещик Овсянкин, а всё почему, потому что оставил деревню на приказчиков, а сам по Европам. Когда приехать соизволил, а тут нет ничего, всё имущество за долги распродать пришлось. Так что вы мне об таком даже не говорите, я-то знаю этих хватов. Они в свой карман, больше чем в хозяйский кладут.

- Это откуда ж такие глубокие познания?

- Я у Забельских по четвергам бываю. Они меня чествуют, к обеду приглашают. В беседах и не такое наслушаюсь. Да вот, было дело...

- Вы что же, опыт управления имеете? Не молоды ли? Чай не управляли ещё? - встала и тетушка вопрос, глядя, как Варвара кривится и не желает более вести беседу.

- Управлять капиталами дело нехитрое. Знай, приумно-

жай, да с крестьян вовремя получай. Экономия, опять же, должна быть. Чтобы не на ветер, а в дело вкладывать.

- А какие у вас, позвольте спросить, капиталы? - тут же Варя снова встряла, зная, что он может на такое ответить.

- Я не про свои, я про ваши капиталы говорю. У меня то, жалованье, да и только. На пропитание, на жильё хватает. На платье нужно в кредит договариваться.

- Ах, это значит, вы мои капиталы приумножать собираетесь? - нехорошо улыбнулась Варвара, и все почувствовали, как бы уже сейчас чего не вышло.

- Если мы с вами в супружестве будем состоять, ваши капиталы моими станут. Вот и займусь я тогда делами. Вон заметил я на подворье у вас, слуги порой без дела слоняются, не поймёшь - чем заняты. Не слишком много уважения к вам оказывают. Нужно бы их приструнить.

Варвара уже не скрывала своего явного раздражения:

- Что ж вы Сидор Харитоныч, вот так, без зазрения говорите, будто дело уже решенное? А ведь я за вас замуж ещё пока не собираюсь. Да и вряд ли соберусь.

- Это отчего же? - совершенно искренне удивился он.

- Оттого, что не приглянулись вы мне, - она встала и демонстративно вышла.

- Ну, Варвара Петровна, - влетела в комнату разъяренная сваха, после того как проводила немного обиженного Сидора Харитоновича, - чтобы я в твой дом ещё хоть на ступеньку

ступила! Не дождёшься! Сиди тут, размышляй, какого тебе жениха подать, а я в вашем деле больше не участница. Это ж надо, хожу, хожу, добиваюсь, бьюсь как рыба об лёд, я ей всё одно. Тот не люб, этот не по нраву. Всё, покидаю вас, и не зовите, и не пишите. Не приду.

Варвара улыбалась на эти её слова, а после обернулась, добро так посмотрела на сваху и сказала:

- Да не злитесь вы Марья Игнатьевна. Думаете, мне легко сидеть, разговоры такие выслушивать? Я ведь не железная, понимаю чего он, этот ваш, добивается. А вам то, что до того, как я потом с ним жить буду? Ваше дело маленькое, совместила и получила с каждого по отдельности. И дальше пошла. А нам - жить.

- Да знаю я голубка, знаю, - смягчилась на такое сваха. - Но ведь и меня пойми, я ж по городу словно белка ношусь, уже чуть не под прилавки заглядываю, ищу тебе жениха. В каждое окно, в каждую дверь стучусь, нелегко это матушка. Ох, и нелегко.

У окна, где стояла Варвара небольшой секретер, она повернулась, глянула на сваху, открыла ящик, достала шкатулку. Вынула несколько монет и протянула свахе.

- Не сердитесь, Марья Игнатьевна, не со зла я, ведь знаете. Самой опостылело.

- Да знаю горlinkа, знаю нелегко тебе. Так чего ж Сидор Хоритонича не взять? Молодой, красивый.

- Не по нраву, не могу.

- Ну, хорошо, - сваха взяла монеты, повернулась чтобы выйти, а у двери обернулась и участливо сказала, - поищу немного, только не из кого уже выбирать. Если какой заезжий прибудет, или полк расквартируют. Только так.

А когда она вышла, села Варя у окна и надолго замерла. Что за мысли крутились у неё в голове, никто не знает.

Глава 4

Дом Варвары Гусевой, добротный. Пять окон на улицу, четыре на подворье. Каменный цоколь первого этажа и сосновые стены второго, кажется, построены на века. Мезонин с резными наличниками, двор с постройками, амбар, конюшня, курятники. За домом небольшой дворик с садом.

Имела Варвара собственную коляску на два места и добротный, крытый экипаж.

Если когда в гости к Дарье Михайловне Фокиной собиралась, обязательно на коляске. Ведь приятельница на другом конце города обитала, а ботиночки по пыльным дорогам топтать совсем не дело. Выезжала Варвара принарядившись, чтобы и прохожие, и изредка проезжающие, замечали статус пассажирки. Возница - Афанасий, вел не торопясь, как просила барыня. Пусть смотрят, пусть видят, какова. Ведь не каждый дом, свой выезд имеет. А у неё есть.

А ещё нравилось Варваре с важным видом проехать по площади. А ну, покажется заезжий жених, или местный, каких она ещё не встречала. И всё смотрела на людей, всё бегал взгляд по прохожим, но мало на ком останавливался. Доезжала до приятельницы, так по дороге никого интересного не встретив. В смысле - молодых людей.

У Дарьи Михайловны искренно жаловалась Варвара на такое глухое прозябание.

- Ах, душечка моя, опостылело, как всё опостылело. Хоть бы случилось чего интересного. Ну, это что же до гробовой доски в скуке несусветной прозябать.

- Тебе то что, ты замужем побывала, а я до сих в девках сижу, - возмущалась Дарья.

Давно уже силилась Варвара не завидовать, хорошенькому лицу приятельницы. Ни думать, ни сравнивать себя и её. Но как ни старалась всё равно, всякий раз, ею любовалась. Ведь вон как несправедливо устроено, сама красотой не вышла, а подруге бог дал даже с лихвой. И так порой обидно становилась, что и разговаривать с Дарьей не хотелось, тут же при беседе замолкала Варвара. Да той, без разницы, если Варвара молчит, ещё больше болтать старается. А так как на язык Дарья совсем небедная, всегда имеет чего рассказать, то и лилась её речь бесконечным потоком.

- Смотрю я на тебя Варя и думаю, отчего же ты, пока Гаврила Федосеевич живой был, ребёночком не разжилась?

- Сто раз тебе повторяю, мне его ласки до мурашек были противны. Только тронет, а у меня гусиная кожа. Лучше бы не вспоминать. Мне же хочется молодого, красивого, да чтоб любил меня безумною любовью, какой на свете не сыщешь.

Дарья усмехалась, поглядывала на Варвару и во взгляде её всегда какое-то снисхождение. Порой даже неприкрытая, шутливая жалость. Будто знала она, что никогда и вовсе такого случиться не может. Будто бы, ни за какие коврижки такой красавец к Варваре подойти не возжелает. Думать она

думала, но старалась вслух ничего подобного не употреблять. Ведь, хоть и была у неё некая к подруге зависть, в том, что та замужем побывала, но от плохих намёков всё-таки старалась отгородиться.

Порой, во время споров или не дай бог, каких обид, могла кинуть сгоряча слово неверное. Так потом по неделе друг к другу носа не казали. Но соскучившись Варвара, снова ехала к подруге. Скучно с теткой, да по городу проехаться нужно, вот и выходило, больше никакого развлечения.

А ещё потому, что много городских новостей Даша знала, потому как выходила по гостям. С родителями. Варвару же, по недавнему вдовству в развлечения не звали, не положено. А что же - не положено, когда молодая душа музыки просит, танцев, званого обеда или ужина, да фортепианной игры, да пения.

Вот и страдала Варя в своём доме почти запертая, в общество не входящая. Вот если бы появился муж у неё новый, закончилось бы вдовство опостылевшее, в одночасье. И пошла бы жизнь более весёлая.

- Ох, и тоскливо мне в доме сидеть, одна радость к тебе наведаться.

- Понимаю, - в сочувствии вздыхала Дарья и тут же воскликала, - а давеча у Супруновых, страсть как весело было. Даже Степан Прокопыч Беликов были. Так мы с ними отплясывали, даже маменька меня потом стыдили, мол, раскраснелась. Негоже.

- Он тебе нравится, никак?

- Да я не знаю вообще, кто мне нравится. Вижу я, как Степан Прокопыч смотрят. С огнём даже смотрят, да только не чувствую я к нему притяжения. А вот Сидор Харитоныч, который к тебе захаживал, за Сонечкой Волковой теперь приударил. Дак та, возможно даже и не против. Только вот капиталов у него совсем нет. Потому, не думаю, чтобы родители её знакомство близкое с ним позволили.

- Так ему и надо, слишком он пронырливый. Мне сразу не понравился. Всё вынюхивает, всё высматривает. Нет, не такого я хочу...

- Знаю, знаю. Чтоб красивый был. Только где ты его, того красивого, сыщешь?

Дарья вздохнула и затихла ненадолго.

Всего только развлечение у Варвары, что с приятельницей визиты, да городских кавалеров обсуждать.

Глава 5

Было одно, не слишком приметное для города обстоятельство, о котором если бы не случившееся по этому поводу событие, мы бы даже не упомянули, так всё хорошо и ладно, в городке том складывалось.

Дело было вот как. На одной из окраин уездного города К, располагались деревянные бараки, для этапированных каторжных, что по той или иной причине перемещались от города к городу. Направлялись они на строительство, будь то дорог, или на рубку леса, или ещё для какой государственной надобности, чтоб в полях не ночевать, строились по-над городками бараки. Так как стояли они в большом отдалении, от жилых построек, то никоим образом на жизнь горожан не влияли. Многие годы в городке, о таком обстоятельстве мало кто заговаривал. Иные даже не знали, что там, с западной стороны окраины находится.

Но в конце апреля случилось событие, которое не только заполонило город слухами, но ввело горожан в состояние молчаливого страха. По крайней мере, на какое-то время.

Обычно случалась колонна каторжников где-то раз в месяц, два. Нечасто. А если кто встречал по дороге в город такое обстоятельство, тот поскорее старался его оминуть. Мол, негоже человеческой болью любоваться. Случались правда и любующиеся, но таких мало. Так вот, пришла в тот месяц

колонна и на какое-то время в том бараке застряла. То ли путаница получилась с отправкой, то ли задание сменили и теперь, назад нужно было возвращаться. Задержалась колонна, сначала на неделю, а потом вторая пошла. И вот, на второй неделе, случился в городке большой переполох.

На рынке мальчишки кричали, бегали, размахивая местной газетёнкой:

- Каторжник сбежал из-под ареста! Каторжник! Каторжник в городе! Каторжник! Кандалы снял и убёг!

В придачу ко всему, солдаты прочесывали город в надежде отыскать беглого. Стучали в дома, в избы. Весь народ всколыхнулся по такому необычайному поводу. И хорошо бы если нашли. Так - нет же. В округе обыскались, но даже следа беглеца нигде не было. Сгинул, пропал.

То да сё, пришла депеша отправляться колонне в В., пришлось выдвигаться. Наказано было местным жандармам, не терять бдительность и дело поиска продолжить. Уже тем самым, что каторжника отыскать так и не удалось, народ городской был напуган до такой степени, что теперь в каждом незнакомом обличье всем без исключения - каторжник виделся. Бывали доносы. То на одного укажут и его к разбирательству притянут, то на другого. А если человек вдруг без документа оказывался, по какой причине, то и вовсе могли задержать на дознание, пока кто-то о нем не кинется и не докажет.

Неразбериха началась в городе совершенная. Людей по-

рой на улице хватали да в участок вели. А город слухами всё больше распалялся, всё сильнее. Ежели, какое происшествие, или не приведи бог, преступление всё на каторжника валилось. Мол, всё он ходит где-то, прячется.

А дворники сильнее всех старались, как кто чужой в поле зрения появиться, так тот давай в свисток свистеть. Много раз ошибка выходила. Извиняться приходилось по вине бдительных дворников, но с другой стороны чего извиняться, ежели не преступник, докажи кто таков.

Так прошла неделя, другая, а разговоры о каторжнике беглом всё не затихали. В доме у Варвары всякий день тётку слышно:

- Марья, ставни проверь два раза, как закрыла. Не то придёт каторжный, влезет в дом не дай-то бог, - кричала тётушка на служанку, - Господи спаси, помилуй, - быстро крестилась она на образа, - когда ж поймают его окаянного, ведь весь город всполошил ирод. Не то, по улице пройтись страшно. Я как иду на рынок, так во все стороны озираюсь. А то, знай, выскочит с топором, да прибьёт.

- Вы бы не нагнетали, и так спать страшно. Полночи всё лежу, прислушиваюсь, не лезет ли кто. Тут вы, ведь каждый раз подольёте. Что же других разговоров больше нет, как про каторжника?

- Что ж, лучше уж с опаской, нежели беспечно. А ну как ставенный крючок подденет? Что тогда?

- Не пугайте тётенька, я и так теперь боюсь в спальню входить. Темноты страшусь и на двор лишний раз выйти, а уж на улицу так и подавно. Хоть бы словили его уже, и то спокойнее было бы.

Так всякий день. Во время ужина и перед сном. Пугали друг друга, что действительно спать никто не мог в спокойствии. И вот такое, в каждом доме.

Часть 2 . Каторжник. Глава 1

Дрожь в теле не прекращалась. С того злополучного дня когда тяжелый валун упал на ногу и раздробил палец, дрожь всё не прекращалась. Степан лежал на нарах, тело колотило так, что даже голоса сотоварищей, порой не доносились до его заостенелого от боли слуха.

- Э, брат, эдак и помереть недолго. Надо бы надзирателю сказать, что-то не нравишься ты мне. Совсем не нравишься, - услышал голос Иваныча.

А потом чувствовал, как поднимали его с заплеванных нар, несли за руки и за ноги куда-то вглубь, в темноту. Опустили на другие, совсем чистые нары, и всё затихло. Было только ощущение тепла и оживляющий ненадолго, запах свежего сена из туго набитого тюфяка. Здесь, вдруг стало легче. Свет попадал в небольшое оконце под потолком, казался чище, а воздух свежее. Взгляд прояснился. Степан покрепче завернулся в дерюгу и осмотрелся. Он был тут совсем один.

Нога болела нестерпимо, а кандалы при каждом движении напоминали об этой боли всё сильнее. Пришлось снова закрыть глаза и попытаться заснуть, чтобы хоть как-то унять боль. Но и во сне она заставляла тяжело дышать и стонать. Всю ночь он, то впадал в забытье, то с новой силой чувствовал, как отнимается нога, мертвеет, и кажется сейчас отвалиться. Так промучился ночь.

Утром дверь открылась, вошел человек, гражданский вроде. За ним надзорный:

- Вот гляньте, - сказал он и откинул дерюгу.

Степан притворился спящим. Гражданский внимательно глянул на ногу.

- Т-э-кс, посмотрим. У-у. Нехорошо. Совсем плохо. А с железками этими придётся пока расстаться.

- Не положено, - возмущённо протянул надзорный.

- А что вы думаете в лазарет его с цепями везти?

- Какой там ещё лазарет, тут полечим и в дорогу.

- Вы верно совсем уже потеряли представление о том, что говорите. У него нога сгниёт, а вы виноваты останетесь, в том, что не уследили. Тут лечить его точно нет никакой возможности. В город нужно везти.

- Да вы что?! Народ пугать?

- Тогда до ближайшей тюрьмы нужно доставить. Тут никак не годиться.

Надзорный почесал затылок.

- Придётся тогда в город. Делать нечего.

- Не волнуйтесь, определим его в отдельном помещении, охрану поставим. Не сбежит. Но кандалы, голубчик, придётся снять.

Они вышли. Через некоторое время двое солдат, подхватили Степана под мышки и потащили куда-то ещё. Дальше он тоже не слишком хорошо помнит. Только так, местами. Как снимали кандалы, несколько раз терял от боли сознание.

Как хрустели кости, и как рвал он, тут же, ещё не успев ничем набить желудок.

Мучения не прекратились и когда положили его на телегу, а она пошла по буеракам, подбрасывая и ударяя, хоть и было в ней навалено немного сена.

Остановились. Два человека в белом почти скинули Степана на носилки и понесли. Потом помнит, положили в ванну, наполненную теплой водой. Старая женщина мыла его жесткой мочалой и всё причитала:

- Ох, ты батюшки страдалец ты какой, ох и страдалец.

Лёжа там, в воде, он чувствовал, как наполняется тело другой, совершенно новой силой. Он давно забыл как это, лежать в ванной и чтобы тебя мыли. Это что-то из детства. Он чувствовал, как воскресает, и по крупице возвращается в тело жизнь. Как набирается сила. Степан расслабленно смотрел по сторонам, совсем не хотел двигаться. Обвис словно немощный, просто наблюдал за тем, что происходит вокруг.

Потом принесли его в белую комнату, где пахло лекарствами, а несколько человек смотрели на него, то ли с жалостью, то ли с опасением. Он не сопротивлялся, лежал смиренно, может потому что ему казалось, что все они желает ему только добра. А когда на лицо положили ткань и он почувствовал, как проваливается в неведомое пространство, почему-то подумал - "Хорошо бы оказаться дома, потом, когда всё закончится".

Очнулся тяжело. В голове гудело и плавало, вокруг звуки. Кто-то вскрикивал, кто-то стонал, бубнил. Но ещё он почувствовал - боли больше нет. Её нет, она ушла.

Степан осмотрелся. Рядом на койках лежат люди, похожие на обычных людей, не таких, каких он привык видеть последние три года. Это были простые крестьяне, горожане. Кто угодно, только не каторжники.

Нога перевязана. Не чувствуется почти ничего кроме тяжести в голове. А потом он увидел, как приближается женщина в белом. В руках у неё поднос. Она прошла мимо, в воздухе застыл аромат куриного супа. Степану сразу стало плохо. Захотелось вскочить, побежать за ней, схватить тарелку и умолять, чтобы она отдала ему суп. Но он лежал, только проводил женщину взглядом. Она присела на койку к человеку с завязанным лицом и поставила на тумбу поднос.

Степан вздохнул, сглотнул слюну. Вошла другая женщина с таким же подносом, приблизилась и ласково сказала:

- Пора обедать.

Глава 2

Три года в кандалах. В бряцающей при каждом движении, отвратительной, холодной, омерзительного вида конструкции. Когда он впервые всё это увидел очень близко, от ужаса на голове, зашевелились волосы. Он помнил совершенно точно. А потом, когда всё это надели на него самого, помнит, как плакал почти сутки, прежде чем заставить себя осознать, что теперь на десять лет это, то, что будет с ним каждый день, ночь, утром, вечером. Всегда. Сложно было принять, постараться объяснить своему возбуждённому от ужаса уму, что теперь так будет много лет и изменить ничего нельзя.

Прошло немало времени, прежде чем он научился жить с кандалами. Ни месяц, ни два, когда почти перестал чувствовать их тяжесть, приспособился, даже начал думать по-другому, так, как не думал тогда, когда на ногах его ещё не было кандалов.

Когда понял всю бессмысленность сопротивления. Почувствовал на собственной шкуре, что придумали всё это не дураки и избавиться от них можно, лишь по прошествии срока. Больше никак. И тогда Степан смирился, перестал об этом думать и стало легче, намного легче.

Потом, он уже с интересом смотрел на других, на новых осуждённых, которые также как он когда-то - не верили, также сопротивлялись, также свыкались, и успокаивались.

И вот, после самых тяжелых трёх лет, рабского, изнурительного, неблагодарного труда, трёх лет грязи, болезней, промерзания до костей, вшей и голодных обмороков, он оказался в лазарете, на чистой кровати, вымытый, вышкобленный, так неожиданно, чувствующий себя человеком.

В довершение ко всему, сестра милосердия принесла ему куриный суп. В это трудно было поверить, но очень легко ощутить. Почувствовать и представить, совсем скоро всё закончится. И то железо, которое всё ещё лежит там, у барakov, вскоре снова наденут ему на ноги и расклепают, чтобы на семь долгих лет сделать его инструментом, а не человеком.

А тут, вдруг приходит кто-то и говорит - пора пообедать.

Невероятно, нереально, придумано воспалённым сознанием, искаженным от боли умом. Он не помнит этого и уже давно не знает, разве можно просто вот так услышать, ласковое - пора обедать. Кажется, он уже давно забыл, в жизни есть что-то чистое, светлое, человеческое. Он даже забыл, как пахнет куриный суп.

Несколько дней Степан в лазарете, ему ампутировали палец, но несмотря на это он чувствовал, словно попал в рай. С каторги, в белую постель. Всего за день этот валун, раздробивший палец, который Степан проклинал почем свет, переместил его в пространстве и бросил туда, где он надеялся оказаться меньше всего.

Ведь он уже почти видел сырую могилу где-нибудь в поле или в степи под одиноким деревом. Или под номером, на

кладбище какого-то городка или деревни.

Но оказался здесь, где вокруг него ходили, о нём заботились, лечили, окружили вниманием. Ни один человек не сказал ему грубого слова, а не то чтобы ещё бить плетью или крыть последними словами. Все вокруг, сестры, священник и доктор, все они словом или взглядом старались даже помочь, поддержать своим участием. И ещё, он видел в этих взглядах словно бы напоминание того, что придётся вернуться туда, где он снова станет каторжником. И так страшно становилось, хоть кричи.

Прошел жар, который пару дней ещё держал в объятьях болезни, а потом стало отпускать. На перевязках Степан видел, как затягивается шов, как чиста и спокойна рана. Доктор сказал, пока совсем не заживет, будут держать в лазарете. Это успокаивало, но ненадолго.

Степан понимал, приближается неминуемое, то чего с каждой следующей минутой он боялся больше всего. Он готов был отдать ещё один палец и ещё один, лишь бы не уходить отсюда никогда, или хотя бы, как можно дольше не возвращаться туда.

Но время шло, нога заживала. Зачем обманывать себя, в конце концов, это всего только несколько дней вычеркнутых из семи лет которые остались.

И вот тут, в его покорившемся было правилам сознании, начинало пульсировать то, чего там, в браке он не мог даже

представить. Побег.

Нет, представить можно. Но всю абсурдность того, что мог он сделать. В кандалах, в арестантской одежде, с наполовину выбритой головой. Это, конечно же, было делом провальным, совершенно нестоящим траты драгоценной энергии, даже ради свободы, ради мечты. Глупо.

Но тут, всё совсем не так. Если осмотреться, подсказки повсюду. Тут всё просто кричит и требует - Беги, Стёпа беги!

Каждый день и каждую ночь он мысленно готовил свой побег, обдумывал и старался представить, как всё будет. Хотя, что тут представлять. Уже с первого дня как Степан попал сюда, казалось, что охранять его не сильно хотят. Надзиратель, который был приставлен не очень хорошо выполнял свои обязанности и целыми днями крутился рядом с сестрами, а ночью спал так, что храп его раскатисто звучал по всему лазарету.

Лучше всего было уйти днем, когда все двери открыты и кругом топчется куча народу. Народ, что приходит к докторам, гуляющие вокруг больные. На ночь же, всё запиралось, любой звук мог быть услышан и привлёк бы к себе ненужное внимание.

Оставалось только ждать и наблюдать.

Глава 3

Стремительно надвигалась весна. Её дыхание врывалось в окна больницы, заставляло Степана придумывать разные способы побега. Но как не старался, ни силился представить, страх всякий раз сковывал конечности, не давал двинуться за порог больницы.

Ночами Степан спал чутко, прислушивался. Ночь, точно не подходила. Слишком уж тихо вокруг. Скрип коек и дверей, даже тихие шаги казались громогласными. А днем - страшно. Что если кинется кто-то вдогонку, поймают, тогда за пару шагов на свободу, три года каторжных работ добавят, только уже в Сибирской тайге.

По коридорам больницы Степан ходил с трудом. Еле-еле передвигал костылями всячески показывая окружающим, как нескоро ещё его выздоровление. Так старался что порой даже слишком.

Сосед по койке, пожилой слуга из небогатого дома, лежал с отрезанным на руке пальцем. Дрова во дворе колот, да так саданул, что оттяпал палец самому себе.

- Ведь с малого дрова, чуть не с налету раскалывал. Подбросил полено, топором тукнул. А тут, маненька выпил и кой черт меня понес за топором. Чего я за него ухватился, сам черт не проймёт.

Максимыч, так он велел себя называть, Степана жалел очень, целыми днями у него про каторжные будни выпрашивал, что да как.

- Чего это милоч, ты такого сотворил, отчего тебя аж в кандалы заковать пришлось? На убийцу вроде не похож, да и охраняли бы тебя не так, - он указал на открытую дверь, из которой виднелся надзиратель, о чем-то увлечённо беседующий с сестрой.

- У нас ведь за любое - в кандалы. Ежели политический то в ссылку. За злодеяние в кандалы, - отвечал Степан.

- Это ж какое такое злодеяние нужно совершить, чтоб на человека вот такое надели.

- Чтобы ни совершил всё одно туда. Ты хоть что сделай, хоть укради булку на рынке, хоть человека убей, всё одно одинаково накажут.

- Эй, ты не путай, не путай, не может быть, чтобы одинаково.

- Срок разный, за булку три года, за убийство двадцать или пожизненно.

- А ежели вот я...

- Да не нужно вам, не говорите коль не знаете. Там ведь не отдых. Не желайте такого никому.

И сестры что ухаживали за больными к Степану со вниманием. Даже доктор Семёнов Иван Савельевич, жалел Степана. А однажды, подслушал Степан, как тот с охранником разговор о нём ведёт.

- Как там наш каторжный, не скоро его за город везти? - осведомился надзиратель.

- Плох ещё, загноиться если без лечения. Пусть уже затянется, тогда и заберёте.

- Мне-то чего, я не против, а вот начальство интересуется.

- Погодите ещё, неделю точно, а может и другую.

- Так он уже две недели лежит, - неожиданно возмутился надзорный.

- Тебе когда палец отрежут, посмотрим сколько лежать будешь.

- Не приведи Господи такое, - перекрестился охранник и отошел от доктора.

Тот пошел дальше по коридору, а Степан снова ненадолго успокоился. Сам-то он понимал, как срок придёт - хошь, не хошь, лезь в кандалы. Ну, хоть крошечку ещё времени, хоть малость отлежаться, а там и бежать, дай бог, получится.

Думал он о том, что три года добавят если поймают. А если не поймают, так и семь уйдут. Рассуждать тут нечего, и так понятно. Сбежать то сбежит, но вот как сделать, чтобы не поймали, это уже задача. Ведь только он за ограду больницу зайдёт, всё - считай побег. Но, другого никакого выхода никак не видел. Либо иди снова в вонючий барак, либо беги не оглядываясь. А там уж - авось пронесёт.

Незаметно для других он собирал кусочки бинта. Заприметил у одного больного бритву. Решил, когда уходить будет, бритвой той завладеть, а то ведь, с половинчатой головой

не следует по городам шастать. Одежду тоже приметил где взять - в гардеробной целый день дверь нараспашку. Мыла кусок припрятал. С пропитанием решил не возиться. Главное на волю попасть, а там, как-нибудь сладится. В уме уже множество раз всё сложилось. На рану поглядывал при перевязке. Замечал, как стянулась кожа по краям, вроде зажило уже, но доктор, молча посматривает, да снова бинтует.

Показалось даже Степану, что доктор взглядом намек даёт, мол, хорошо уже, можно. Как будто даже в разговоре подбадривает:

- Эх, тепло теперь, погода благодать. Солнышко землю сушило, до новых дождей нескоро. Дороги хорошие.

И казалось Степану, именно ему эти слова предназначаются. Вскоре совсем понял, так и есть. Однажды утром на перевязку пришел, а доктор ему:

- Надзорный то приболел сегодня, а вместо него только завтра пришлют.

Вот и всё. Глянул Степан на доктора и говорит:

- Спасибо за заботу.

Тот обернулся, прислушался, и сунул в руку Степану коробочку небольшую. Взял Степан быстро.

- Иди уже, - доктор подтолкнул к двери, - с Богом.

Пришел Степан в палату осмотрелся, а того у которого бритва нет на кровати. Тут же к тумбе его подошел, открыл, вытянул бритву, в рубаху завернул.

- Что ты? - приподнялся Максимыч, - никак? Ах, ты... - и

смолк догадавшись.

- Спасибо тебе Максимыч. Ты - человек, - глянул исподлобья Степан.

- И тебе Стёпа, Бог в помощь, - и отвернулся к стене, будто спит.

Прошел Степан по коридору, будто нарочно все кто был там, на него не смотрели. Зашел в гардеробную, а там прямо на виду одежда лежит. Штаны, сапоги, мешок. В несколько мгновений натянул всё, под картуз волосы спрятал и вышел из больницы. Осмотрелся, невдалеке гуляют больные, сестры с ними, и никто его не замечает.

Так и пошел, прихрамывая по дорожке. Быстрее, ещё быстрее. Из ворот вышел, оглянулся, никто не гонится. Только в окне доктор Семёнов стоит, вслед смотрит.

Глава 4

И пошел Стёпа дороги сапогами топтать. Сначала по улицам города, пугливо озираясь, но всё же стараясь не торопиться. А ну, приметит кто, резкость в движениях, суетность во взгляде. Он шел меж домами, косился на окна, на двери. Всматривался вдаль, не стоит ли на углу полицейский, не топает ли навстречу дежурный.

Старался Степан не смотреть в глаза прохожим, чтобы не дай бог никто из них не заподозрил в нём беглого каторжника. Он придерживал рукой картуз, натягивал до ушей, чтобы шальной порыв весеннего ветра, не раскрыл преждевременно его страшную тайну. Так миновал несколько улиц, обошел заставу, двинулся примкнувшей к городу рощицей, вперёд, на волю.

Как из рощи в степь вышел, так смело зашагал, вдыхая воздух свободы, всё больше отдаляясь от людей, от кандалов, что так и не дождались его в свои суровые объятия.

Потянулись поля тёмными лентами, сколько хватает глаз - нет никого, ни одной живой души. А если покажется вдалеке экипаж или телега тут же Степан за буерак, или за дерево прячется. Лицом к лицу совсем не время встречаться. Кто его проймёт, что там в той телеге, может как раз вдогонку за ним людей послали.

У тихого озерца, что попалося на пути, разложил Степан

все свои пожитки. Мыло бритву и коробочку, которую доктор дал. В коробке оказалась бутылочка со смесью какой-то мази, бинты, в тряпочку завязанный столбик монет. Сосчитал, три рубля получилось. Глянул Степан на эти предметы и так горько ему стало. Почему одни люди несправедливые, жестокие, а другие добрые и не желают зла.

Посидел, подумал. Потом разделся донага, да полез в озеро купаться. Зябко, но хочется дорожную пыль с себя смыть. Голову намылил, сбрил остатки волос. Гляну на себя в отражение на водной глади - не узнал. И оставил в том озерце малую толику себя. Казалось, с волосами этими уплывал страх и неверие, уплывало прошлое, какое не воротится никогда.

Собрал пожитки Степан и снова пошел. Чем дальше уходил, тем спокойнее было на душе, тем меньше боялся, а потом вовсе перестал осматриваться. За день пришел до какой-то деревни, что в сумерках завиднелась точками окон. Усталость уже заставляла озираться и думать о ночлеге.

Размышлял недолго, решил попроситься на постой. Вряд ли у них тут будут про беглого каторжника спрашивать. Ближе подошел, собаки забрехали, стукнул в окно крайней избы, хозяин выглянул.

- Чего надо? - кричит. - Иди прочь.
- На постой не возьмете? - спросил Степан.
- Иди на другой конец деревни, крайняя изба. Там Авдеевы живут, к ним просись, они пустят.

Так и сделал. Пошел дальше, у крайнего дома остановил-

ся. Изба старая даже кажется немного покосилась. Из-под крыльца выскочила мелкая шавка и давай брехать.

- Ну, ну, чего ты? - Степан собаку позвал, подошла, приласкалась. Добрая.

На лай собаки, хозяин вышел.

- Кто тут, а ну не подходи, батогом перетяну, - грозно глянул дед, взял стоявшую у двери палку.

- На постой пустите, люди добрые! Мне бы хоть на сеновале отоспаться.

Присмотрелся хозяин, опустил палку.

- Иди вон, в амбар, там тепло не замёрзнешь. Вон, там колодец, - ежели напиться желаешь.

- Спаси Христос, - поклонился Степан и пошел куда послали.

Под утро услышал, как скрипнула дверь амбара. Но шевелиться не хотелось, сон ещё держал в цепких объятьях. На сеновале было так тепло и свежо, что не хотелось вставать, поспать бы ещё хоть немного. Дверь снова скрипнула, видно вышел человек.

Проснулся Степан поздно, лучи солнца уже во всю прорезывали щели сарая и прыгали солнечными дорожками по глазам и лицу, щекотали, точно требовали подниматься. Потянулся Степан так, словно выгонял из себя всё, что было вчера, словно и не было той, вчерашней жизни. Полежал немного поразмышлял, пора дальше двигаться. Нужно из

съестного прикупить, а то в животе давно ничего не лежало, только вода озерная, да с колодца.

Спрыгнул с копны сена, мешок прихватил, от соломы от-
русился да пошел из амбара. На дворе дед возится, телегу
чинит. Приподнять пытается, да колесо приладить.

- Здоровы будьте, - крикнул Степан, - помощь нужна?

- Подсоби, коль не жалко.

Подошел Степан, телегу одной рукой приподнял. Дед так
и ахнул.

- Это откуда ж в тебе столько силищи накопилось?

Не скажет же он, что на каторге валуны в руку длиной
тягал.

- От природы сильный, - ответил.

Копались с телегой долго. Дед умаялся, а Степан молчит,
делает. Замечает, как хозяин косится.

- Голодный, небось? - обернулся дед, как дело окончили.

- Да, я хотел купить у вас что-нибудь поесть.

- Пойдём, нам старуха и без денег уже накрывает.

- Не хотел я тревожить ваш дом.

- Чем же ты потревожишь? Я телегу с зимы починить не
могу, а с тобой за два часа управились. Так что, это я тебя
потревожил, а не ты меня. Идём.

Вошли в избу. Сухонькая старуха у печи суетиться.

- Вот Зинаида, привёл тебе. Нужно бы накормить челове-
ка.

- А как жеш, накормим.

На столе уже дымилась из горшка картошка, облитая маслом с жареным луком. На тряпице яйца и хлеб.

- Проходи милок, чем богаты, откушай.

Перекрестился Степан на образ.

- Спасибо, добрые люди. Не откажусь.

Сели. Дед с бабкой едят, Степана исподтишка разглядывают.

- Куда направляешься, али не секрет? - дед спрашивает.

- Я не знаю, куда точно. Работу иду искать в город какой или деревню, всё равно.

- А дом твой где? - старуха спросила.

- Нет у меня дома. Теперь нет.

- Да, дела, - дед на бабушку смотрит, толкает на Степана косит.

- Кой тебе годок? - прищурилась старая.

- Двадцать осьмой пошел.

- Это как Лёшке нашему, Господи прости, - и старушка стала креститься скорее.

- А что с ним? - Степан откусил картофелину, запил молоком.

- Так в солдаты его забрали от нашей деревни. Одного единственного. Сыночка нашего. Все откупились, а нашего единственного забрали. Это теперь по гроб жизни не увидим его. Если только по ранению.

Какое-то время ели в тишине. Только в печи шкворчало.

- Оставайся у нас, - глянул дед. - Работы полно, пропита-

нием не обидим, денег у нас не густо, зато корова есть и куры, голодный не останешься. Хотя бы на посевную останься. Не справиться нам с наделом, старые мы уже, а батраков нанимать нет средств. А ты, если останешься, будешь у нас как сын, слово даю.

- К слову сказать, а документ у тебя есть какой? - бабка вмешалась.

- Нет документа.

- Без бумажки нельзя по дорогам бродить. Поймают и в острожную. Ни за что ни про что, а там доказуй, кто ты есть таков. Им без разницы что ты, что цыган, им всякий сброд собирать велено.

- Так сразу и в острожную? - Степан удивился.

- Точно говорю. Жандарм нонче злющий. Кого заприметят, так сразу и хватают. Виновен, аль нет. Ни имени, ни отчества не спросят. И сиди потом десять лет, ни за что, ни про что.

- Вам-то покуда знать?

- Так вот, когда бабка? - дед к старой обернулся.

- На Пасху, как раз было, - подсказала бабка.

- Во-во на Пасху, проходил один скиталец мимо деревни, его поймали, в острожную свезли. А он оказался обычный паломник, шел в монастырь помолиться. Вот и скажи. Они ведь ни Бога никого не боятся. Главное людей побольше собрать, да на постройку нового дворца какого пустить, или лес валить, тоже кто-то должен. А это всё-таки бесплатная

рабсила.

Степан задумался, картошку жуёт, сам на деда с бабкой посматривает, а они на него.

- Так что ж мне, если утерял я бумагу. Вот дойду до центра, там обращусь. Выдадут новый документ.

- Э, ты пока до туда дойдёшь, так три раза сцапают. Оттого говорю, оставайся да живи сколь хочешь. Никто плохого слова не скажет. Деревня у нас хорошая, барыня душевная. К нам сюда почитай и носа не кажет. Молодая. Хорошая у нас деревня, что говорить.

Подумал Степан, поразмышлял, да и решил, чего по городам шататься, когда здесь и крыша, и еда, и люди опять же неплохие. А не понравится, уйдёт ежели чего.

Часть 3. Жених. Глава 1.

Тётка Анастасия Павловна, трусцой бежала по улице, даже не стараясь сохранить лицо перед прохожими, что проводили её удивлёнными взглядами. Так взволновала её услышанная на рынке новость.

- Варя! - закричала она уже с крыльца. - Варюша, ты где, давай сюда скорее!

Раскрасневшаяся тётушка вбежала в гостиную, дёрнула тесёмки шляпки, скинула её и бухнулась на диван, раскинув руки в разные стороны.

- Ой, умру, ой Господи спаси, помилуй, ой, мамочки мои родненькие! - причитала она на весь дом, так что даже слуги со двора, столпились у дверей.

Непричёсанная Варвара в домашнем сером платье, спешно вошла и удивлённо, даже слегка разочарованно, глянула на всю эту картину.

- Чего ещё такое? Нашествие Мамая, или французы идут?

- Ой, Варюшка, ой, зови сваху срочно! Посылай Афана-
сия, иначе уведут.

- Вы чего это? - не поняла Варя.

- Зови сваху Варвара, не то поздно будет! Христом богом проси, не то пролетим мы с тобой душенька. Ой, ой пролетим!

- Да скажите толком чего там, на рынке вы такое услышали,

что вам сваха понадобилась?

Тётка вот только успела отдышаться. Марья воды подала, та выпила и подскочила с дивана.

- Машка, давай, беги к Марии Игнатьевне, что хошь обещаёшь, только пусть немедленно к нам, немедленно!

- Да что такое? - Варя уже не выдерживала.

- Есть жених! Есть! Такой, и не в сказке сказать. Приехал из столицы. Ищет у нас тут, на своей родине, хорошую, не балованную, не столичную штучку, а провинциальную невесту. Уже у Осиповых, был и у Сапрыкиных был, а теперь к Дёминым намеревается. А у Дёминых девка красавица, точно на неё как глянет, западёт.

- Так и пусть, вам то, что с того?

- Нам?! Не нам - а тебе. Я для кого стараюсь, я для кого бегаю? Душу всю из меня вытрясло, пока сюда торопилась. Срочно пусть сваха сюда его тянет, покуда не увели.

Варвара вздохнула.

- Вы сами знаете, как будет.

- Ничего не знаю. Ничего. Теперь всё сызнова. Ничего знать не хочу. Вот ежели не выберет тебя, тогда пусть к другим идет. А теперь пускай к нам его тянет.

Варвара недоверчиво глянула, губами покривила.

- Ладно, беги Маша к свахе. Пусть ведёт.

- Ну вот, и молодец, - подскочила тётка. - Давай-ка наряжись, чтобы он тебя во всей красе увидел.

Вздохнула Варвара и пошла к себе принаряжаться.

Через пару часов Марья вернулась. Сказала, завтра сваха жениха приведёт. Сегодня никак не получится, с Дёмиными сговорились и договор разрывать нет никакой возможности.

- Вот чертовка. Всё-таки повела к ним, ну не знаю, после них захочет ли он ещё кого смотреть.

- Захочет, - Варя засунула иголку в рукоделие, встала, чтобы пойти снова переодеться в домашнее платье. - Ежели приехал за невестой, так пройдётся по всем. Не такая уж у Дёминых Наташка раскрасавица.

- Ну как же, она девка ладная.

- И что с того? Есть и поладнее.

- Не на себя ли намекаешь? - ухмыльнулась тётка.

- А чего, если на себя.

- Ты Варя не шибко-то усердствуй, если так, отчего же до сих пор ты не замужем? Другие вон, что ни день свадьбу играют, а ты.

- Ничего. Не нашелся ещё тот, кого я люблю.

- Ой, смотри, а то может вовсе не найдётся, ежели будешь как тогда с Сидор Харитонычем.

- Не волнуйтесь, одна не останусь, - сказала Варя, но как-то видно не слишком сама в это веруя.

Глава 2

Снова жених. Снова хорошиться, пытаться быть приятной. Попробовать обаять того кто вовсе не желает чтобы его обаяли. Все они одинаковы, сидят как истуканы, а она перед ними хоть мазурку танцуй, так хочется понравиться. Надоели, не будет больше перед ними выстилаться. Всё, достаточно. Всем им только и нужно, что её капиталы, да деревенька на шестьсот душ. Так тут, она и без них справится.

К обеду приделась понарядней. А чего, нужно наряды, каких полно в сундуках накопилось, куда-то надевать. Вот и приходится к визитёрам принаряжаться. Пусть смотрят, не с последних сусек подгребают. Если красотой не вышла, что ж теперь и не одеться по-человечески.

Достала Марья платье из голубого, турецкого атласа, что раньше Варя боялась доставать. Одна подготовка этого платья к одеванию, целый день занимала. Все рюши выгладить, да оборочки расправить труд нелёгкий. Раньше жалела служанку, а теперь ничего - пусть повозится. Рассказывают, уж такой завидный жених, значит, всего один шанс будет.

Волосы уложили по последней моде завитками наперёд. Кажется, даже и лицо немного украсилось, и глаза по-новому засияли. Постаралась Марья барыню приукрасить, для приезжего человека.

В три, как уговорено - пожаловали. Сваха Мария Игна-

тьевна вперёд вошла, а господин заезжий позади неё, как будто даже смущен немного. Глянула Варвара, хорош господин. В плечах широк, в талии узок, росту высокого, лицом - дай бог каждому, а вихры его светлые выются, на лоб прядями спадают.

- Егор Петрович Зубрицкий, - отчеканил он.

- Просим покорно, - тетушка вступила, - проходите, гости дорогие, располагайтесь.

Сваха всех друг другу представила и без лишних промедлений пошли в гостиную. Сели. Служанка чаю подала.

- Надолго ли в наши края пожаловали Егор Петрович? - начала Варвара.

- Недолго побуду, дела в столицу зовут. По крайним обстоятельствам приехал. Как решу, сразу назад. Служба, знаете ли.

- Понимаю, - кивнула Варвара, - А на какой, позвольте полюбопытствовать, службе состоите?

- При канцелярии Его Императорского Величества. Юристокосульт.

- А позвольте спросить, как вам у нас в городе показалось? Я ведь слышала, родились вы тут, но в столицу переехали.

- Поменялось сильно, в лучшую сторону. Правда, вот как дождь, так грязь месить неприлично. В столице, знаете ли, сапог бывает, не замараешь, а тут.

Открытый его взгляд, спокойный голос сразу расположили к себе. Варя даже почувствовала себя не так как всегда,

и платье её нарядное показалось даже уж очень её украшающим. Хотелось говорить, спрашивать, и отвечать. И гость не унимался, всё рассказывал о Петербургских гостиных, о знати, что их посещает, и сам он во многие дома бывал приглашен. О дворцах, и о государе. Много чего порассказал, да так интересно, проникновенно, что заслушались все, даже служанка Марья.

- Вы Егор Петрович больно интересно рассказываете. Даже захотелось поехать, побыть немного, посмотреть.

- Что же вы? Жить могли бы перебраться, если бы захотели.

- Ой, в столицах жизнь дорогая сказывают. Мы не так уж и располагаем, чтобы там жить. Посмотреть-то можно, но нам и у себя, тут неплохо.

- Там можно по-разному жить, и простым человеком, и богатым. Каждому найдется место.

- А ваши родители чем занимаются? - тетушка подроспела с вопросом.

- Отец мой - помещик. Имение у него под Петербургом. Выкупил за долги, так теперь помещичествует. Капиталы свои он, как раз тут заработал, торговым делом.

- Иш ты, это у нас-то? - тетка воскликнула.

- У нас в К. тут люди на товарах и не такие капиталы поднимали. Много больше чем отец мой.

- Да и муж мой покойный этим промышлял, так что не бедствуем по здешним меркам.

Варваре уже и самой хотелось рассказать про свои капиталы. Больно глянулся ей Зубрицкий. До чего интересный человек оказался. Так она к нему, и сяк. И он вроде лица не воротит. Вежливый, внимательный. Даже, что уж там, заметила она неподдельный к себе интерес. Странное дело, даже почувствовала, как спала с неё вся спесь. Да говорят они, будто как на равных. До того приятной беседа казалась, что даже сама тетка любовалась, а сваха хитро всё посматривала.

Но тут, за окнами послышались звуки подъезжающей коляски. Через минуту вошла Марья и доложила:

- Дарья Михайловна Фокина пожаловали. Прикажете просить?

Женщины переглянулись, взгляды их переплелись в один недовольный взгляд, но отказать в приёме, да при госте, было бы слишком грубо.

Варвара гордо вздёрнула подбородок, глянула на служанку так, что казалось сейчас взглядом раздавит:

- Проси.

Глава 3

- Ах, простите, простите, - зашебетала Дарья, - я потревожила вашу компанию. Но клянусь, я даже не собиралась к вам заезжать, если бы не лошадь. Что-то она брыкать стала, а Прохор сказал, пить хочет - жарко. Вот я и вспомнила, кто из знакомых самое ближнее живет. Оттого и заехала - лошадь напоить.

При этом была она одета в одно из лучших своих платьев. И причёска не повседневная, а по случаю. Что-то было подозрительное в этом её визите, да и сваха беспокойно заёрзала.

Но показывать недовольство при Зубрицком Варя не стала. Не хотелось тут же открыть одну из своих не слишком хороших черт характера. Она натянуто улыбнулась будто бы приятельнице рада, но внутри всё клокотало, так хотелось вскочить с места и Дашку растерзать.

- Позвольте вам представить - Егор Петрович Зубрицкий, - выдавила Варвара и натянуто улыбнулась.

Дальше разговор напоминал стрельбу из пушек, кто самый прицельный вопрос задаст тот и попадёт в мишень.

- Позвольте спросить, а какова цель вашего приезда? Сказывают, вы имеете совершенно серьёзные намерения? - атаковала Зубрицкого Дарья и победоносно глянула на Варвару.

- Цель моя вполне понятная, желаю в наших краях найти невесту. Так как ещё отец мой сказывал, что у нас в К. каж-

дая девушка золотой самородок. Больше, говорил, нигде таких не встретишь. Но я думаю, что это он оттого так говорил, что с матушкой моей именно здесь знакомство свёл.

- Но ведь у нас и вправду девицы сплошь благочестивые. А скромность их лучшее украшение, - парировала Варя, а затем искоса глянула на приятельницу.

На что та хитро улыбнулась и снова к Зубрицкому обращается:

- Я бы всё отдала, чтобы в столицу попасть. А ежели ещё и с любимым, так это настоящий рай.

Молодой человек чувствовал себя меж этих двух огней, совершенно спокойно. Видимо не впервой, а может столичное воспитание, на такие выпады не позволяло реагировать. А возможно, он просто наслаждался борьбой двух соискательниц. Но то, что он с какой-то даже легкой усмешкой слушал их обоих, не на что не указывало. И, симпатия, которую Варвара уже почти почувствовала в первой половине разговора, кажется, развеялась как дым после визита Дарьи.

Немного ещё посидели, поспорили и Дарья стала торопливо собираться.

- Ну что же, приятно было познакомиться Егор Петрович. Надеюсь, перед отъездом посетите меня с визитом.

- Весьма благодарен, - встал он, чтобы проводить.

Варя заметила, как он посмотрел в глаза этой бесстыжей Дашке, а та кокетливо улыбнулась и вышла.

Чуть позже распрощались и они. Сваха с Зубрицким

ушли, оставив Варвару и её тётку в глубочайшем возмущении и недоумении.

- Нет, ты видела какова? Ох, и штучка. Говорила тебе, эта твоя подруга, так называемая, обязательно дорожку перейдёт. Вот тебе и на. Это ж надо какова.

- Да, не думала я, что так станется. Знала бы, нужно было Машке сказать - не принимать никого.

- Да кто его поймёт, когда принимать, а когда не принимать. Вот ведь какая змея подколотная. И ты посмотри, как крутилась, я такое впервой увидела. И платье специально не прогулочное, почти бальное натянула. Неспроста это, точно говорю неспроста.

- А может это сваха её предупредила. А?

- Точно. Точно сваха. Ну, я ей покажу, ну она у меня поглядит. Ох, люди, ох и люди. Ради своей выгоды, ведь и через приличия всякие преступят. Чтобы я этой Дашки тут больше не видела. Хочешь вот с такой змеёй подколотной дружить?

- Нет, уже не хочу, - грустно ответила Варя.

Ещё сидела она в гостиной, ещё думала, глядя в пол. И Егор Петрович, больно понравился и визит Дарьи сильно огорчил.

Глава 4

Сваха скрывалась от праведного гнева тетушки Анастасии Павловны, как не искали, нигде не могли найти.

Два дня в тревожном предчувствии. Варвара тынялась по дому, да по саду снедаемая противоречивыми мыслями. Теперь уже о чем можно сожалеть? Может быть, просто показалось, как будто он был к ней добр, а может и нет. Только не могла она понять, со всеми так, или только с ней он настолько приятен был. Да нет же, это, скорее всего человек такой, ко всем с участием и вниманием. Вот и показалось ей на какие-то минуты, что имеет к ней исключительно симпатии. А на самом деле не только к ней.

Каково же было её удивление когда на третий день после того визита Машка прибежала в сад и доложила:

- Егор Петрович Зубрицкий пожаловали. К вам, говорят, на аудиенцию.

Варвара встрепенулась:

- Проси, немедленно. Сюда проси.

Она поискала взглядом скамейку, быстро прошла, села, будто задумалась о чем. Платье на ней хоть домашнее, из светлого хлопка, но вполне украшало свежестью цвета и фасоном.

Послышались торопливые шаги, и вот, он уже рядом, целует ей руку.

- Весьма рад нашей встрече Варвара Петровна.
- Я так же рада. Что заставило вас посетить нас снова?
- Прошу вас выслушать меня. Оттого как моё окончательное решение, напрямую зависит от вас.
- Неужто, такая важность?
- Очень большая важность, вы себе не представляете какая. Я бы не посмел, беспокоить вас, но обстоятельства вынуждают меня принимать поспешные решения. Я могу в этом полагаться лишь на интуицию и здравый смысл. Не осудите Варвара Петровна, но я бы хотел просить вас проследовать со мной в Петербург для дальнейшего бракосочетания. Если вы согласитесь, то осчастливите меня настолько, насколько никогда в своей жизни я счастлив не был.
- Но отчего так поспешно, я не понимаю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.